

© 2019 Л.А. РЕЗНИЧЕНКО

«ЧЕЛОВЕК: ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ»

Резниченко Леонид Ананьевич — научный редактор журнала «Человек».

Российская Федерация, 109240 Москва,

ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Электронная почта: lreznich14@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям взглядов члена-корреспондента РАН Б.Г. Юдина на феномен «технонауки» в его отношении к науке традиционной, как они отразились в недавно опубликованном сборнике его работ «Человек: выход за пределы». Рассматривается отношение этих взглядов к «проективному подходу» Г.П. Щедровицкого, к его критике традиционной науки и противопоставлению «искусственного» и «естественного», в котором Б.Г. Юдин видел одну из главных этических и гносеологических проблем современного научного познания. Утверждается, что позднее творчество Б.Г. Юдина там, где оно связано с рефлексией над современным познанием, — это и принятие и дальнейшее развитие «проективного подхода», и одновременно полемика с ним, отстаивание ценностей традиционной науки. Подчеркивается важная роль анализа «скрытого знания» в книге М. Полани «Личностное знание» для понимания многих особенностей междисциплинарного и многодисциплинарного знания вообще и исследовательской, научно-практической и научно-организационной работы Б.Г. Юдина в частности, в том числе и его работы на посту главного редактора журнала «Человек». Отмечается роль Б.Г. Юдина в развитии концепции и практики гуманитарной экспертизы и трудности утверждения и реализации этой концепции в контексте общей ситуации в советском и постсоветском обществоведении, а также сходство и различие

Ключевые слова: Б.Г. Юдин, сборник «Человек: Выход за пределы», методология, эпистемология, технонаука, «скрытое знание», гуманитарная экспертиза.

DOI: 10.31857/S023620070005377-1

Но в журнале уже много и подробно говорилось и о вкладе Бориса Григорьевича (далее — Б.Г.: он сам в статье, к которой мы еще будем обращаться, называл Г.П. Щедровицкого одними инициалами, последуем и мы его примеру) в развитие каждой из перечисленных выше областей [1, 8], и в «собрание» науки о человеке [7], и о месте его взглядов и подходов в научной и философской традиции [4]. И останавливаться на каждом из них в рамках одной статьи вряд ли имеет смысл. Однако книга наводит на размышления и как самостоятельный текст в его целостности. Именно этот ее аспект, а не множество конкретных соображений, высказывавшихся в той или иной статье или интервью, и будет основным предметом нашего разговора. Это прежде всего изменения в системе человеческого познания вообще и гуманитарного познания в особенности и, особенно, изменение во взглядах самих ученых и мыслителей на познание, как они отразились в восприятии человека очень чуткого, постоянно готового претворять свои размышления в практическую деятельность, но и постоянно рефлектирующего над этой своей деятельностью.

В зрелые годы своего творчества Б.Г. избегал обращаться к универсальным и вечным для философии проблемам и не любил высказываться на этот счет. Как отметил И.Т. Касавин в вы-

ступлении на семинаре памяти Б.Г., «... в конце 80-х годов... [он] понял, что ... противопоставление методологического и социологического подходов неразрешимо... И выбрал путь практического участия в разработке практических же методов взаимодействия, которые можно предложить ученым...» [8, с. 86]. И действительно, главным философским вопросом для Б.Г. был вопрос «Что делать?». По его глубокому убеждению, ситуация срочно требовала отвечать именно на него и времени подводить под ответы онтологический или эпистемологический фундамент уже не осталось: близящаяся антропологическая катастрофа, о которой еще полвека назад предупреждал М.К. Мамардашвили, превращает философию в прикладную дисциплину особой важности. Но и оставаться в стороне от фундаментальных вопросов философ не может уже потому, что, чем бы он ни занимался, он не может не рефлексировать над своей деятельностью. И эти его рефлексии не только интересны сами по себе, но и очень показательны.

Размышления провоцирует уже членение сборника по разделам. Они различаются весьма условно — скорее, по преобладающим в статьях мотивам. Это и понятно: разграничить философские проблемы технауки, проблемы этики и методологии науки (которые и сами еще лет 35–40 назад могли серьезно рассматриваться только «строго по отдельности», а сегодня уже с трудом воспринимаются в изоляции друг от друга), гуманитарной экспертизы и трансгуманизма можно лишь в абстракции. Сам Б.Г. не слишком усердствовал в такого рода разграничениях, но хорошо понимал их необходимость: без них нельзя соблюсти дисциплинарную строгость и «вписаться» в «нормальную науку». А вписываться было необходимо не только из чисто «внутринаучных» познавательных мотивов. Ведь исследователь науки — это не только субъект, объективно изучающий внешний по отношению к нему феномен. Он еще и составной элемент изучаемого феномена, осознающий себя в качестве такового и вынужденный считаться с мнением коллег-«объектов»; и сознательный или бессознательный представитель «технауки», для которой исследование объекта неотделимо от манипулирования с ним; а еще активист, обращающийся к целевой группе — научному сообществу, стремясь повлиять на ее нормативно-ценностные ориентации и через них на сознание и поведение. Для такого исследователя более или менее строгое соблюдение дисциплинарных стандартов — это и суровая внешняя необходимость, и внутренний императив, даже если сами стандарты или не вполне сформировались, или серьезно модифицируются на наших глазах, а важнейшим предметом исследования явно или неявно выступает как раз размывание той картины науки, что лежит в основе существующих стандартов.

Выдающийся историк науки Б.Г. Кузнецов когда-то в разговоре с пишущим эти строки сетовал, что коллеги часто не понимают: история науки — это трагедия. Не эйнштейнова «драма

Б.Г. близки оба этих подхода. Сам характер решаемых им задач заставляет его работать в рамках второго, и не случайно почти в каждой из статей многократно говорится о «производстве» знаний и ни разу — об их «получении» или «поиске». Но и традиционная наука, особенно гуманитарная, остается непреходящей ценностью. А в рамках развиваемых им подходов ценности — это еще и важнейший компонент познания, и не только регулятивный, но и содержательный. И всю книгу пронизывает глубинное понимание неразрешимой конфликтности этих подходов при необходимости как-то сочетать их в решении глобальных гуманитарных задач. Не задач гуманитарного знания, хотя и их тоже, а задач сохранения человека — как бы ни трактовать «человека» и «сохранение» (эти два слова здесь взяты в кавычки, потому что именно споры и противоречия в их трактовке составляют, в частности, важный предмет статей Б.Г. по философским проблемам трансгуманизма).

26

вателей ключевую роль здесь сыграло знакомство с социологией знания и осознание невозможности непротиворечиво совместить в рамках единой модели методологический и социологический подходы. Об этом, и как раз применительно к Б.Г., говорили на семинаре памяти Б.Г. В.С. Степин и И.Т. Касавин, в том числе и в цитированной выше фразе.

К поиску специфических подходов к интеграции «внешнего» и «внутреннего», «объективно-природного» и субъективного, человеческого аспектов науки ученых тогда подталкивала и объективная эволюция самого научного знания. На протяжении столетий несомненным парадигматическим образцом решения всех естественнонаучных задач была физика (вспомним знаменитое резерфордовское: «Все науки делятся на физику и коллекционирование марок»), причем именно ньютонова физика — та, что должна была «бояться метафизики». Но к середине XX века из физики в «окружающий научный мир» уже активно проникали другие репрезентаторы: «принцип неопределенности», «роль наблюдателя», «корпускулярно-волновой дуализм», а к 70-м годам на место источника познавательных образцов вообще стала выдвигаться биология, где вопрос ставится уже немного в другой плоскости.

Для Б.Г. было важно, что при исследовании живого ценностная отмеченность объекта выступает уже не только внешним регулятором познания, но и важным признаком для *априорного* выделения сходств и различий в изучаемом объекте. «Само сознание единства, которое предшествует всякому биологическому исследованию, является важнейшей конститутивной для биологического исследования предпосылкой. Мысля нечто в качестве живого, мы тем самым мыслим это нечто так или иначе выделенным из порядка физико-химических объектов», — писал он еще в 1986 году. В статье 2014 года «Научное познание и ценности» он стремится, опираясь на эту мысль, легитимировать и специфическое, основанное на ценностях гуманитарное познание именно как познание *научное* [9, с. 34–35]. И здесь проблемы методологии гуманитарного познания для него неотделимы от осмысления нового явления, которое он вслед за Г. Башляром и Ж. Отуа называл «технонаукой». Главное ее отличие от «большой науки» Д. Прайса, с которой Б.Г. ее сопоставляет [9, с. 79], в том, что это феномен не только социальный в самом широком смысле слова, но и эпистемологический. И хотя на первом месте в термине стоит «техно-», наиболее радикально ее приход отразился именно на гуманитарном знании и на самосознании гуманитарных наук, включая и само содержание понятия «гуманитарные знания»: «“Технологическое обслуживание” человека является одновременно и его изучением, его познанием» [9, с. 79].

Л.А. Резниченко
«Человек: выход
за пределы»

Во второй половине 1960-х в научный оборот вошли многие идеи раннего Маркса, ориентировавшие на внимание к активной роли субъекта познания, и стал широко пропагандироваться знаменитый 11-й тезис о Фейербахе К. Маркса, утверждавший, что мир нужно не познавать, а изменять. Позднее Б.Г. будет много размышлять о значении этого тезиса, снова одновременно и соглашаясь, и споря с ним, и тоже в связи с размышлением об идеях Г.П. Щедровицкого в их отношении к концепции «технонауки».

Интересно, что в то же самое время, когда Г.П. Щедровицкий разворачивал критику классического научного познания, в самой гуманитарной науке наметилось прямо противоположное этим идеям устремление к «сциентификации». Интересно сравнить с этой точки зрения «новое» структурирование научных задач и процесса их решения, излагаемое в цитированной выше статье Б.Г., с утверждением Ю.М. Лотмана во введении к культовой тогда книге «Анализ поэтического текста». Оно звучит как манифест «гуманитарного сциентизма», и его стоит воспроизвести в авторском варианте, а не в усеченном пересказе.

28

ответом), — принадлежит науке. [Ср. с «математикой, методологией и любовью» Г.П. Щедровицкого!] ... *Осознание наукой своей специфики и отказ ее от претензий на ту деятельность, для осуществления которой у нее нет средств, представляет собой огромный шаг по пути знания* [курсив мой. — Л.Р.]. ... ответы, даваемые наукой, не могут быть отделены от нее самой. Они не абсолютны и утрачивают ценность, когда выдвинувшая их методология сменяется новой. ... Науке не следует браться за решение ненаучных по своей природе или неправильно поставленных вопросов, а потребителю научных знаний, во избежание разочарования, не следует предъявлять к ней таких требований [курсив мой. — Л.Р.]... Например, вопрос: “Почему мне нравится стихотворение Пушкина (Блока или Маяковского)?” — в таком виде не подлежит научному рассмотрению. <...> Следует предварительно договориться, интересует ли нас этот вопрос в аспекте психологии личности, социальной психологии, истории литературных норм, читательских вкусов, критических оценок и тому подобное. После этого поставленный вопрос придется переформулировать на языке терминов соответствующей науки и решать доступными ей средствами. Конечно, полученные таким образом результаты могут показаться слишком узкими и специальными, но наука не может предложить ничего, кроме *научной истины*» [3]¹.

Заметим, что тот же Г.П. Щедровицкий именно в последнем обстоятельстве как раз и усматривал ущербность традиционной науки: «Традиционные науки не дают знаний, необходимых для ... деятельности; объясняется это ... аналитическим, или “абстрактным”, характером традиционных научных дисциплин», — писал он примерно тогда же [9, с. 151]. И Б.Г. постоянно то ли polemизировал, то ли соглашался с этим отношением.

Для нас здесь интересно, что четко разделить критику такой позиции и ее признание в текстах Б.Г. невозможно. А идти легким путем, принимая какие-то одни элементы и аспекты и отвергая другие, он не желает — ведь в рамках соответствующих моделей они неразделимы. Остается лишь фиксировать противоречия и неявно принимать их как свои собственные. Так, развернуто и детально критикуя знаменитый 11-й тезис Маркса о Фейербахе — тот самый, в соответствии с которым нужно не объяснять мир, а изменять его [9, с. 97–98], он протестует против вытеснения «объяснения» мира его «изменением» как эпистемологического идеала, в других же статьях апеллирует именно к «технонаучному», «изменяющему» характеру и потенциалу гуманитарного знания. Не замечать это противоречие их автор не мог, просто были для него вещи поважнее методологической непорочности...

Исключительно большое внимание Б.Г. постоянно уделяет одной из главных (и, похоже, болезненных для него) эпистемологических характеристик «технонаучного знания» — тому, что по-

Л.А. Резниченко
«Человек: выход
за пределы»

¹ Впрочем, думается, что и сам автор не переоценивал абсолютность высказанной им мысли. Вряд ли такой тонкий исследователь культуры не понимал, что одна из важных причин бешеной популярности его у тогдашней интеллигенции состояла как раз в том, что книга помогала понять, «почему» и «как» нас завораживает звукопись Пушкина или метафизика Тютчева. И не учитывал этого обстоятельства при ее написании. Так что на практике отделять «научное» от «постнаучного» в гуманитарном знании оказывалось не так просто...

Для этого Б.Г. и нужна была деятельность, обоснованию, осмыслению и, по возможности, развитию которой он посвятил в последние годы огромные интеллектуальные и организационные усилия и которая получила название «гуманитарной экспертизы».

Как бы ни понимать экспертизу, она всегда анализ альтернатив, будь то альтернативные гипотезы о происшедшем, проекты, сценарии будущего, и сопоставление альтернативных вариантов по каким-то критериям. Основные условия такого анализа и сравнения — осознанность всех исходных допущений и субъективных суждений, четкое понимание того, где у нас субъективные представления, где наши ценности и предпочтения, а где — «медицинские факты»; стремление отдавать ясный отчет в критериях, по которым отбираются переменные, и включить в рассмотре-

ние все существенные переменные; и главное, сценарный подход: последовательная оглядка на неопределенность ситуации, на альтернативность возможных путей развития, стремление выявить и описать петли обратной связи. Но в СССР в том, что касалось формулирования или оценки какой бы то ни было политики, само слово «альтернатива» выглядело почти что посягательством на устои. Все, что оставалось обществоведам на этом поле, — даже не обосновывать, а просто объяснять единственно правильность уже принятых решений. Их научные теории или их отдельные положения могли быть сколь угодно интересными, но к принятию конкретных решений отношения не имели. Не случайно в начале 90-х годов суждения, рекомендации, анализ ведущих экономистов оказывались менее «экспертными» (по сформулированным выше признакам), чем суждения лучших журналистов [2].

Совершенно очевидно, что в таких обстоятельствах, ступая «на зыбкую почву гуманитарной экспертизы ... мы оказываемся в ситуации значительной неопределенности» [9, с. 169]. И весь корпус его текстов на данную тему — это своего рода протокол поисков, сомнений, а порой, видимо, и сознательного отказа от рафинированной ясности и завершенности там, где избыточное стремление к ним затрудняет необходимые действия.

Начать с главного вопроса: что же такое гуманитарная экспертиза? Б.Г. видит две возможные трактовки: особый вид деятельности и социальный институт. «Если согласиться с первым, то мы можем трактовать ее как деятельность принципиально незавершенную, как прежде всего форму диалога, взаимодействия, коммуникации. При этом во главу угла ставится не столько конечный результат, сколько процесс, в ходе которого участники приходят к более глубокому пониманию ценностей, мотивов действий и т.п. — и собственных, и своих оппонентов. Во втором случае существенной, напротив, является “конечность” экспертизы, которая должна приводить к принятию решений» [9, с. 169]. Вторая отмеченная им неопределенность — неясность, кого считать «экспертом»² — специалиста или «человека с улицы» [9, с. 170]. Однозначного ответа в книге нет. Совершенно очевидна необходимость «социального института» — систематизированного, методологически и процедурно регулируемого и, скорее всего, итеративного анализа, который должен проводиться специально отобранными для этого людьми (включая в определенных случаях и «людей с улицы» — представителей сообществ, которые затронут подвергаемые экспертизе проекты, технологии, мероприятия), заканчивающегося принятием каких-то ясных рекомендаций. Но столь же необходимо и протяженное во времени (а может быть, постоянное) систематизированное и также, видимо, регулируемое определенными методическими и процедурными нормами и модерируемое

Л.А. Резниченко
«Человек: выход
за пределы»

² Слово взято в кавычки, поскольку сама функция эксперта и природа экспертной деятельности в данном случае могут толковаться очень по-разному и иметь весьма отдаленное отношение к традиционному (тоже, впрочем, очень размытому) толкованию этого понятия.

Однако уже сегодня можно заметить одну чисто философскую, эпистемологическую апорию, которая просматривается при обсуждении проблем гуманитарной экспертизы именно как многостороннего диалога. То, как она выглядит в текстах Б.Г., больше всего напоминает сократовскую майевтику — искусство помощи в рождении истины в ходе диалога. Но возникает один вопрос, тесно связанный с характеризовавшимися выше противоречиями между «наукой» и «технонаукой». Сократ, во всяком случае, платоновский Сократ, в отличие от софистов, не сомневался в существовании истины и в возможности обнаружить ее в ходе диалога. Софисты в такую истину не верили, и соответственно диалог у них преследовал совсем иные задачи. Противоречие между «наукой» и «технонаукой» в этом смысле примерно напоминает противоречия Сократа и софистов. За каждой из сторон своя правда, и примирить их «по-научному», на уровне теории, вряд ли возможно. А вот примирить «по-постнаучному», отложив теоретические несовместимости и добиваясь того, чтобы разница эпистемологий не парализовывала анализ конкретных проблем и не мешала «гуманитарной эффективности» решений, видимо, можно, хотя и трудно. Благо, здесь методологические споры можно заменить методическими.

32

о путях если не разрешения, то прояснения некоторых возникающих здесь теоретических и практических противоречий и сложностей.

Во-первых, процедура, во многом аналогичная гуманитарной экспертизе, довольно широко, хотя и локально, была задействована в США в 70 — 80-е годы XX столетия под названием «оценка технологии». Б.Г. был даже автором словарной статьи на эту тему в словаре по философии науки [9]. Процедура эта продвигалась больше по политическим мотивам — в то время практические шаги по развитию «демократии участия» были чрезвычайно популярны. Особых успехов на этом поприще, видимо, не добились, во всяком случае, в более позднее время о такого рода мероприятиях сколько-нибудь широко не сообщалось. Но относительно систематичный анализ полученного тогда опыта помог бы загодя выявить и прояснить многие проблемы.

Второе соображение несколько более размытое. В текстах книги, посвященных гуманитарной экспертизе, постоянно присутствует тема ценностей и как важнейшего критерия для оценок, и как основного источника конфликтов, разрешить которые призвана процедура гуманитарной экспертизы и необходимости их учета в ходе экспертизы/обсуждения. Но ведь в гуманитарном знании сложилась традиция анализа и описания ценностей, в том числе и вполне формализованного, пригодного для включения в процедуры, — от работ О.Г. Дробницкого, едва ли не первым познакомившего «научную общественность» с противоречивой природой ценностей и возникающими вокруг них противоречиями, до текстов А.А. Ивина, разрабатывавшего методы формализованного описания ценностей и их отношений. Нам неизвестны случаи сколько-нибудь широкого использования всех этих и подобных им наработок для задач гуманитарной экспертизы. А возможности здесь могут открываться достаточно широкие.

Далее, совершенно очевидно, что гуманитарная экспертиза как свободная дискуссия вряд ли сможет завершиться не только четкими «экспертными рекомендациями», но даже просто однозначными, четко формулируемыми выводами. Тем не менее полезность и необходимость такого рода коммуникативной деятельности интуитивно очевидна. Что же можно представить себе в качестве ее результата? На том же интуитивном уровне понятно, что результатом может стать лучшее понимание проблем, точек зрения и всего контекста ситуации. Понимание, которое не формулируется, не выражается словами (иначе это были бы те самые конкретные выводы и рекомендации), но во многом определяет и дальнейшее обсуждение, и принятие решений, и просто реагирование на проблемы, меняя их контекст. Но это понятно именно на интуитивном уровне, а такое понимание, как известно,

Л.А. Резниченко
«Человек: выход
за пределы»

Очевидно, что и гуманитарная экспертиза, и многие компоненты «технонауки», и ряд других направлений представляют собой даже не междисциплинарные, а полидисциплинарные области — такие, где для интеграции знаний нет ни концептуального аппарата, ни какой-то ясной методологии. Необходимая интеграция происходит на уровне понимающего субъекта, усваивающего эти знания и оперирующего ими. Сегодня существуют попытки теоретически описать такое знание, его носителя и процесс его приобретения. Речь идет о концепте «скрытого», «неявного», «невыраженного» (*tacit*) знания, сформулированном М. Полани еще в 1958 году в книге «Личностное знание: на пути к посткритической философии». В 1985 году вышел русский перевод книги, правда, сильно сокращенный и с грифом «Для научных библиотек» [4], который после этого еще как минимум дважды переиздавался. У Полани речь идет именно о знании, не отделенном от его носителя и не передаваемом вербально, но задающем контекст для восприятия и формулирования знаний объективированных. Разумеется, Полани не открыл существование подобного знания, но он «уловил» этот феномен в специальном термине и эксплицировал его. А иногда все же полезно узнать, что ты говоришь прозой. Ведь в науке, особенно гуманитарной, удачно найденное и эксплицированное обозначение способно пусть и не решить проблему, но легитимировать в научном сознании какие-то феномены и подходы. В данном случае можно, пожалуй, говорить о своего рода научной легитимации *донаучного* и *ненаучного*. Полани с его скрытым знанием не стал властителем дум, как многие другие авторы, писавшие по вопросам теории научного познания. Научная литература не пестрит ссылками на его книгу. Но феномен, который он попытался легитимировать как достойный изучения и осмысления факт научного познания, жил, жив и будет жить.

34

о человеке. С другой — поощрение публикации научных работ и просто глубоких размышлений над феноменом человека с самых разных точек зрения, заведомо не вписывавшихся ни в какую парадигму, ни в какую единую конструкцию, способных в своей совокупности принести только один результат — формирование и расширение того самого «скрытого знания».

Здесь перед нами снова противоречие — противоречие формирования уже не новых дисциплин и областей знания, а новых представлений о том, что есть легитимное знание. В статье [3], как раз посвященной «вписыванию» подходов Б.Г. в отечественную и мировую научную традицию, на нескольких иллюстрациях продемонстрировано, что в истории познания попытки преодолеть дисциплинарные ограничения объективно оказывались регрессией (трансгрессией?) к самым ранним этапам становления современной науки, а то и вовсе к донаучным формам сознания. Так и тем, кто читал статьи А.А. Пелипенко в нашем журнале и, тем более, его книги, сразу бросится в глаза сходство основных принципов «технонауки» с описанными им феноменами регрессии сознания эпохи постмодерна к «маршрутному» мышлению охотников и собирателей, характерному для догцентрического времени. И Б.Г., прошедший прекрасную методологическую школу в 60-е годы и хорошо знавший современную мировую научную литературу, не мог не понимать всего этого, хотя, как мы уже говорили, не любил высказываться на эти темы. И не пугался этого.

М. Полани посвятил концепции неявного знания целую книгу. И это было нужно и важно. Но в обыденном сознании и обыденном языке уже много тысяч лет существует понятие, хотя и в высшей степени размытое, чей объем существенно пересекается с объемом концепта Полани. И соответствующее слово, хотя и в высшей степени многозначное. Это слово «мудрость». Она не то чтобы выше знания явного, в частности тонкостей дискурса и виртуозного владения аппаратом, но как-то вне их, а иногда и прямо им противопоставляется. И этим словом можно во многом охарактеризовать подход Б.Г. к сложнейшим, не разрешаемым в теории без очевидных противоречий, но практически насущным проблемам. На венке, который возложили студенты из МосГУ, была надпись — «Мудрому учителю». Думается, эта оценка точнее многих, и порадовался бы он ей больше, чем многим другим.

Уже упоминавшаяся статья о Г.П. Щедровицком заканчивается словами: «Сделанное и не сделанное Георгием Петровичем Щедровицким чрезвычайно актуально для понимания нынешней ситуации и продумывания путей в будущее» [9, с. 110]. То же можно с полным правом сказать и о ее авторе, Борисе Юдине.

Л.А. Резниченко
«Человек: выход
за пределы»

the practice of so-called “Technology assessment” is described. A number of contradictions in the interpretation of the concept of humanitarian expertise in the works of the scientist presented in the Collection and the objective inevitability of such contradictions are noted.

Keywords: B.G. Yudin, The Human being: Transcending the Bounds Collected works, methodology, epistemology, techno-science, tacit knowledge, humanitarian expert review.

For citation: Reznichenko L. A. «The Human: Transcending the Bounds» // *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N 3. P. 23–37.
DOI: 10.31857/S023620070005377-1

Л.А. Резниченко
«Человек: выход
за пределы»

References

1. Ashmarin I.I. Kontsepsiya chelovecheskogo potentsiala v tvorchestve. B.G. Yudina. [The concept of human potential in the works by B.G. Yudin. 2018. № 4]. *Chelovek*. 2018. Vol. 29, N 4. P. 39.
2. Babayeva L.V., Reznichenko L.A., Tarshis Ye.M. *Rossiyskaya elita: opyt sotsiologicheskogo analiza. Chast' 3. Osobennosti soznaniya elity* [The Russian elite: the attempt in sociological analysis. Part 3. Some features of the elite's mentality]. Moscow: The Institute of Sociology RAN Publ., 1997.
3. Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the poetic text. The structure of the verse]. L.: Prosveshcheniye Publ. Leningrad Branch, 1972. P. 4.
4. Malkov S.M. B.G. Yudin i mezhdistsiplinarnost' v nauke: biografiya na fone traditsii [B.G. Yudin and interdisciplinarity in science: biography against the background of tradition]. *Chelovek*. 2018. Vol. 29, N 5. P. 67–83.
5. Polanyi M. *Lichnostnoye znaniye: Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy]. M.: Progress Publ., 1985.
6. *Chelovek v «Cheloveke»*. Boris Grigor'yevich Yudin v nauke i v zhurnale [The Human in “The Human Being Journal”. Boris Grigorievich Yudin in the science and in the Journal]. *Chelovek*. 2018. Vol. 29, N 4. P. 5–9.
7. Ekspertiza nauki, etika ekspertizy. Nastoyashcheye i budushcheye idey B.G. Yudina [The expert review of the science, the ethics of an expert review: The present and future of the ideas of B.G. Yudin]. *Chelovek*. 2017. Vol. 28, N 6. P. 36–47; 2018. Vol. 29, N 1. S. 85–99.
8. Yudin B.G. Otsenka tekhnologii [Technology assesment] // *The Philosophy of science: Dictionary of basic terms*. M.: Akademicheskii Proyekt Publ., 2004.
9. Yudin B.G. *Chelovek: vykhod za predely* [The Human: Transcending the Bounds] / G.B. Yudin, compiler, ed. with the participation by Ye.G. Yudina and Ye.G. Grebenshchikova. M.: Progress-Traditsiya Publ., 2018.